

Научная статья

УДК 1:316.485.26(47)

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-1-154-163

ПРОРОЧЕСТВА Н. Ф. ФЕДОРОВА О ВОЙНЕ В ТРАКТОВКЕ Н. А. БЕРДЯЕВА

Евгений Олегович Малахаткин

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

malahatkin.zhenya@yandex.ru, ORCID: 0009-0009-1579-8055

Аннотация. Цель статьи. В статье рассматривается анализ Н. А. Бердяева воззрений Н. Ф. Федорова о войне, которые он назвал пророческими, прежде всего, предсказания неизбежности именно мировой войны, в которой предвидел главную роль Германии.

Методология исследования базируется на традициях русской философской мысли.

Результаты. Делается вывод о том, что Н. А. Бердяев акцентирует внимание на том, что Н. Ф. Федоров хорошо понимает: Германия — носительница милитаристического индустриализма и «мировой пожар» возгорится по ее вине. Отмечается, что Н. А. Бердяев осмысляет воззрения Н. Ф. Федорова на войну, исходя из фундаментальных положений «философии общего дела» последнего. Это дает возможность увидеть такие принципиально важные вещи для федоровского понимания войны, как противопоставление «духа германизма» «духу расы славянской», использование армии для регуляции природных сил, прекращение войны как устранение розни через преодоление смерти и т. д. Рассматривается критическое отношение Н. Ф. Федорова к таким представителям немецкой философии, как Шопенгауэр, Кант, Ницше, которые явились идейным источником «духа германизма». На этом фоне выявляются типологические отличия немецкой «воли к власти» и русской «воли к правде». В заключении делается вывод, что анализ идей Н. Ф. Федорова, осуществленный Н. А. Бердяевым, имеет важное значение для понимания своеобразия философии войны в контексте фундаментальных идей русской философии.

Перспективы исследования заключаются в дальнейшем осмыслении феномена войны в русской философии.

Ключевые слова: русская философия, немецкая философия, Н. Ф. Федоров, Н. А. Бердяев, война, мировая война, философия войны, германизм, миссия России

Для цитирования: Малахаткин Е. О. Пророчества Н. Ф. Федорова о войне в трактовке Н. А. Бердяева // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 1. С. 154–163. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-154-163>.

Original article

PROPHECIES OF N. F. FEDOROV ABOUT THE WAR AS INTERPRETED BY N. A. BERDYAEV

Evgeny O. Malakharkin

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
malaharkin.zhenya@yandex.ru, ORCID: 0009-0009-1579-8055*

Abstract. *The purpose of the article.* The article discusses N. A. Berdyaev's analysis of N. F. Fedorov's views on the war, which he called prophetic, first of all, predictions of the inevitability of the world war, in which he foresaw the main role of Germany.

The research methodology is based on the traditions of Russian philosophical thought.

Results. It is concluded that N. A. Berdyaev focuses on the fact that N. F. Fedorov understands well: Germany is the bearer of militaristic industrialism and the «world fire» will ignite through its fault. It is noted that N. A. Berdyaev comprehends N. F. Fedorov's views on the war, based on the fundamental provisions of the latter's «philosophy of the common cause». This makes it possible to see such fundamentally important things for Fedorov's understanding of war as the opposition of the «spirit of Germanism» to the «spirit of the Slavic race», the use of the army to regulate natural forces, the cessation of war as the elimination of discord through overcoming death, etc. N. F. Fedorov's critical attitude to such representatives of German philosophy as Schopenhauer, Kant, Nietzsche, who were the ideological source of the «spirit of Germanism». Against this background, typological differences between the German «will to power» and the Russian «will to truth» are revealed. In conclusion, it is concluded that the analysis of N. F. Fedorov's ideas, carried out by N. A. Berdyaev, is important for understanding the originality of the philosophy of war in the context of the fundamental ideas of Russian philosophy.

The prospects of the research are in further understanding of the phenomenon of war in Russian philosophy.

Keywords: Russian philosophy, German philosophy, N. F. Fedorov, N. A. Berdyaev, war, world war, philosophy of war, Germanism, Russian mission

For citation: Malakharkin E. O. Prophecies of N. F. Fedorov about the war as interpreted by N. A. Berdyaev // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(1): 154–163. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-154-163>.

Введение. Философия войны в русской философской культуре — тема, далеко еще не освоенная. До недавнего времени ведущими направлениями в истории русской философии были исследования в области историософии, метафизики всеединства, синергической антропологии и других значимых направлений, которые в советский период были практически неизвестны. Воззрения классиков русской философии на войну также оставались неизвестными. Сегодня ситуация выправляется и такой значимый пласт русской философии становится доступным

не только для исследователей русской философии, но и для широкой публики. Выходят не только статьи и монографии, коллективные сборники, но и хрестоматии [4; 5; 9; 12; 13; 14; 15].

В данной статье предполагается рассмотреть оценку Н. А. Бердяева взглядов Н. Ф. Федорова о войне, которые он назвал пророчествами. Мы полагаем, что это важно по нескольким причинам. Во-первых, Н. Ф. Федоров и Н. А. Бердяев являются наиболее русскими (в духовно-культурном плане) философами, представителями «русскости»

в русской философии, что видно в современной перспективе. Сам Н.А. Бердяев считал именно Н.Ф. Федорова выразителем глубинного русского начала в культуре и в философии. Во-вторых, это углубляет современные представления о русской философии войны, являющейся органической частью русской философии. И в-третьих, рассматривая взгляды Н.Ф. Федорова в режиме *pro et contra*, то есть в критическом, а не исключительно в апологетическом русле, можно выявить действительно аутентичное ядро воззрений «Московского Сократа», чтобы его имя не использовалась в часто неадекватной пацифистской аргументации.

Прежде необходимо отметить те исследования, в которых рассматривались конкретно взгляды Н.А. Бердяева о войне. В работах В.А. Бойко, И.В. Лихоманова, Л.А. Гаман, А.М. Давлетшиной, С.И. Ивановой, Н.И. Мартишиной, А.И. Тимофеева и др. рассмотрен достаточно широкий спектр вопросов, связанных с тем, как понимал войну философ [3; 6; 7; 8; 10; 16]. Однако, мы не обнаружили специального разбора взглядов Н.Ф. Федорова со стороны Н.А. Бердяева. Последний, очень ценивший Н.Ф. Федорова, считавший его выразителем корневого русского мировоззрения, особенно отмечает пророчества мыслителя о войне. Мы полагаем, что это значительный пласт, требующий отдельного рассмотрения.

Неизбежность мировой войны. Статья «Пророчества Н.Ф. Федорова о войне» из книги «Типы религиозной мысли в России» была написана Н.А. Бердяевым в 1915 году, в период, когда русская философская мысль очень бурно и активно отреагировала на события Первой мировой войны [13]. Практически все русские философы первой величины отреагировали на событие войны глубокими размышлениями. Среди наиболее значимых текстов следует назвать «Война и русское самосознание» С.Н. Булгакова, «Война и мировая задача России» Е.Н. Трубецкого, «О поисках смысла войны» С.Л. Франка, «Меч и крест» В.Ф. Эрн и др.

Русские мыслители показали негативные крайности пацифизма и милитаризма, не просто выбрав «золотую середину», но раскрыв глубочайший трагический смысл

войны, не только ее «ужасы»: убийство, гибель, разруху, насилие, жестокость, зверства, но и ее светлую сторону, выводящую в иные измерения, где вершатся судьбы человечества. Н.А. Бердяев не остался в стороне, более того, он по праву считается одним из наиболее активных философов, остро отреагировавших на войну как на мировую катастрофу. Практически все статьи в его книге «Типы религиозной мысли в России», написанные с 1915 по 1922 годы, касаются темы войны. Это не случайно, поскольку событие войны отвечало эсхатологическому мировосприятию философа, в котором он увидел практическое подтверждение многим своим размышлениям этического, историософского и метафизического характера. Вообще, это особенность именно русской философии воспринимать войну не только в политических, экономических, национальных, социальных, то есть эмпирических координатах, но в духовных, затрагивающих фундаментальные истоки и смыслы человеческого существования.

В рассматриваемой статье Н.А. Бердяев делает ряд метких наблюдений относительно идей Н.Ф. Федорова, которые одновременно помогают более глубоко понять и своеобразие русской философии, и своеобразие русской философии войны. Бердяев выделяет три главных момента: Федоров пророчествовал о неизбежности мировой войны, это первое; во-вторых, при всех комбинациях неизбежно столкновение России и Германии; и в-третьих, предвидение роли Германии в мировом столкновении. Вот эти пророчества Федорова относительно германизма и представляют главный интерес Бердяева, и, как оказалось, они интересны и для сегодняшнего времени, поскольку ситуация в некотором роде повторилась.

В философе «общего дела» Бердяев видит прежде всего сильного политического, сейчас бы мы сказали, геополитического мыслителя, блестящего знатока военно-политических стратегий мировых держав, и в то же самое время — довольно наивного этика, у которого представления о морально-психологической, на языке христианства «греховной», стороне человека оказались в плену рационалистических утопий. Но одно не отменяет другого, и то ценное, что есть в мысли Федорова, как раз очень тонко улавливает Бердяев, что в свою очередь оказывается

весьма актуальным в современной военно-политической ситуации.

Прежде всего, Бердяев дает высокую оценку и пророческим, и патриотическим идеям философа, его искренней и глубокой вере в *спасительную миссию России*. Он пишет: «Федоров очень много думал о войне и способах водворения мира в жизни человечества. Многие мысли Федорова не только представляют сейчас особый интерес, но прямо-таки носят пророческий характер. Мысль Федорова неустанно работала в направлении возможности мировой войны и предвидела роль Германии в мировом столкновении. <...> Федоров страстно стремился к всеобщему миру, к соединению человечества для общего дела. Он видел миссию России в умиротворении, в прекращении розни. <...> Федоров страстно хотел предотвратить и преодолеть войны и видел в этом великую миссию России. Но он не хотел разоружения» [1, с. 64, 66].

Это очень ценное качество Федорова — его вера и любовь к России, которые невозможно обнаружить у современных противников войны, выступающих, скорее, против России, а не против войны и за мир. Федоров же озабочен тем, чтобы найти действенные и реальные меры по предотвращению войн, причины которых лежат в глубоких онтологических, а не в социально-политических и экономических пластах. Тем самым он один из первых русских философов затронул вопрос о метафизических корнях человеческой розни, наиболее зримым проявлением которой являются нескончаемые братоубийственные войны.

То, что Федоров много думал о войне, обусловлено трудными обстоятельствами его детства, когда он, выражаясь современным языком, получил «травму» — будучи незаконнорожденным сыном князя был удален из своего родного дома. Ученик и последователь Федорова философ В. А. Кожевников пишет по этому поводу следующее: «Когда же тяжелый опыт неродственных отношений расширился еще рассказами о самом грубом и широком проявлении их, о войне, тогда в чуткой к общему горю душе ребенка вспыхнуло желание пособить этому горю еще задолго до тех лет, когда, опять под влиянием надвигающегося народного бедствия,

накануне Крымской войны (в 1852 г.), юноша задумался над причинами всемирной вражды и над способами замены ее миром всего мира, задумался для того, чтобы уже до конца дней своих не расставаться с этой думой и служить всеми силами своими ее осуществлению» [10, с. 99].

Война как «общее горе», как «народное бедствие» — очень русский подход, в основе которого нравственное переживание бытия. Мысли Федорова о войне носили не отвлеченно-теоретический характер, а были обусловлены, выражаясь языком православной аскезы, «печалованием» о мире, о его болезнях и страданиях. Это развило своеобразную оптику восприятия зла в мире, когда оно воспринимается не как абстрактный антагонист добра, но как вопиющее недолжное состояние, подрывающее основы существования. Отсюда и определенная наивность и утопичность его идей, предполагающих миролюбивое и братолюбивое состояние человечества как идеал.

Современный исследователь А. Г. Гачева точно характеризует эту сторону философа: «Федоров глубоко чувствовал неправду войны — войны человека с человеком, сопряженной с убийством, с насильственным прерыванием жизни личности, с вытеснением ее из бытия. При этом мыслитель подчеркивал: битва далеко не всегда ведется военным оружием. В не меньшей степени разрушительна война словом, будь то злобная ругань в адрес ближнего или вполне допустимый в обществе газетно-журнальный спор, ученая или политическая полемика: и то, и другое представляют собой одно из многоликих проявлений неродственности и небратства» [7, с. 47].

Пожалуй, наиболее сильной стороной в пророчествах Федорова, на которые обращает внимание Бердяев, является мысль о *неизбежной мировой войне*. Он говорит: «предвидение мирового столкновения», «пророчествовал о неизбежности мировой войны», что особенно значимо, поскольку это происходило из глубины XIX века, когда войны были локальными, несмотря на свой масштабный характер конфликтов, как, например, в случае с Наполеоновскими войнами др. Однако, они несопоставимы по уровню мирового катастрофизма военных конфликтов XX–XXI веков. И то, что Федоров пред-

видел именно такого рода глобальное мировое столкновение, говорит о его личном масштабе мышления и о планетарном характере русской мысли, в том числе русского космизма, родоначальником которого он по праву считается. Этот «русский глобализм» в корне отличается от западного глобализма: русский основан на глубоком эсхатологическом чувстве и на идее Достоевского о всечеловеческой, то есть спасительной миссии России, американский глобализм, в сущности, — это колониальная политика, направленная на мировое господство в масштабах всей планеты.

Важнейшая интуиция (в терминологии Бердяева — пророчество Федорова) заключалась в понимании угрожающей роли Германии в мировой жизни. Его не смущало то, что Германия может быть поддержкой консервативных начал в России. Бердяев отмечает, что Федоров был одним из немногих в правом лагере, кто понимал реальную опасность германизма для России. И это при том, что правому лагерю как раз свойственно традиционное германофильство, которое обнаруживается даже у таких мыслителей, как Достоевский и К. Леонтьев. В этом плане Федоров оказался прозорливее в своих геополитических идеях, чем многие видные и авторитетные мыслители.

Федоров, отмечает Бердяев, очень хорошо понимал связь милитаризма с индустриализмом, который есть порождение капиталистического хозяйства. Именно в Германии эта связь милитаризма с индустриализмом обнаружила себя наиболее зримо. Бердяев пишет: «Федоров отлично понимал, что Германия — носительница этого милитаристического индустриализма или индустриалистического милитаризма, что мировой пожар возгорится по вине Германии» [1, с. 69–70]. Это действительно мощные прогностические идеи о германском милитаризме для своего времени, которые нашли подтверждение и в Первую мировую, и в Великую Отечественную войну.

Немецкая воля к власти и русская воля к правде. Бердяев показывает, что для Федорова основополагающее значение имели все же не политические факторы при всей их важности, но духовные, коренящиеся в глубинах народного самосознания, в его

религиозных и культурных пластах, которые в результате дают два культурных типа: «дух германизма» и «дух расы славянской», прежде всего русской. Характер военно-политического столкновения предопределен глубинным различием этих типов. «Дух германизма», считает Бердяев, был самым главным препятствием на пути к осуществлению проекта общего дела Федорова, направленного на всеобщее соединение для спасения всех.

Предпринимая сравнительный анализ этих типов, Бердяев выявляет мысли Федорова, усиленные собственным видением. Но это не искажение, а как раз духовно-мыслительный синтез, когда один философ, разделяя взгляды другого, усиливает их собственными интонациями. Так, он пишет: «Как глубоко отличается воля Федорова к всемирному единению людей для всеобщего дела, к регуляции всех стихийных сил природы, его русская воля к спасению всех, живущих и умерших, к оживлению всего, от германской воли к могуществу и власти над миром, воли к войне и насилию. Федоров призывает к силе и активности, но силе и активности, спасающей слабых и погибающих, а не давящей и губящей. Тут сказывается глубокое отличие духа германизма от духа расы славянской. Славянской расе чужда воинственная воля к власти над миром, ей свойственна воля к всемирному соединению человечества, к всеобщему спасению. Наш русский универсализм совсем не походит на универсализм германский» [1, с. 70].

Русская воля и германская воля, русский универсализм и универсализм германский — это важнейшие типологические критерии, раскрывающие сущностные отличия духовного строя двух культур. Можно, несколько перефразировав Бердяева, дополнить эти критерии таким обобщенным, но, как мы полагаем, справедливым противопоставлением: *немецкая воля к власти и русская воля к правде*. Это вытекает из идей и Федорова, и Бердяева, и многих других русских мыслителей.

Федоров действительно всегда чувствовал враждебность Германии и, более всего, даже не ее политики, а духовного строя немецкой культуры и немецкой философии, к своему учению о всеобщем воскрешении и вообще славяно-русской философии. Он противопоставляет «немецкую» и «славян-

скую мечту»: «Но что значит наша славянская, глубоко нравственная мечта, вызванная сознанием своего, своей зависимости от чудовищной слепой силы вселенной, [мечта] обратить господствующую над нами слепую силу в силу, правимую союзом воскресших поколений, считая себя орудиями благого Существа, — что значит такая сердобольная мечта перед немецким наглými и комичным признанием своего рабства за господство (какова проницательность!), признанием себя творцом мира ... Наша [же мечта] — страждущей души порождение...» [1, IV, с. 149–150]. Эта глубоко нравственная мечта есть идея всеобщего воскрешения о победы над смертью. Она очевидно противостоит волевой идее политического господства.

Что касается антипатий Федорова к немецкой философии, то они есть наиболее жесткая часть его критического отношения вообще ко всей западной философии, начиная с Сократа, в принципе самопознания которого он усмотрел начало индивидуализма, эгоизма, разобщенности и всеобщей вражды. О Шопенгауэре, которого Федоров считал представителем «западного буддизма» и чье «превращение мира в представление» считал фикцией, он говорит: «Мир, понимаемый *по Шопенгауэру* как воля (к бытию), а в действительности остающийся неволею (к смерти)» [1, II, с. 129].

Много гневной критики раздается у Федорова в адрес Канта, чью философию — «кантизм» — он считает сущностью германизма. Современная западная философия находится под гнетом и игом Канта, полагает Федоров. Это иго Канта заключается в том, что он навязал идею двух разумов — практического и теоретического, чем обрек человека на бездействие. Однако, миролюбивая позиция Федорова заключается в нравственной сфере, а не в политическом противостоянии и войне с Германией. Он пишет: «Всего важнее — для побед над Германией нужна не война, а, напротив, мирное соединение. Только нравственность, ко всем людям относящаяся, ко всем в их совокупности, а не в отдельности, заключает в себе опровержение и теории, и практики кантизма» [1, II, с. 87].

Но особое негодование у Федорова вызывает Ницше, которого он называет и «философом черного царства», и «черным проро-

ком», и «черным царем», и блудным сыном философии» и, самое главное, «философом милитаризма и врагом мира». Он пишет: «Ницше — философ нового рода и нового поколения, философ объединенной “Новой Германии”, совершенно отличный от старых философов-мыслителей. Задача этой новой философии — устанавливать цель жизни, управлять жизнью» [1, II, с. 120]. Отдельные положительные моменты, которые усматривает Федоров у Ницше, не перекрывают крайне отрицательного к нему отношения как проповеднику смерти и любви к року. Милитаризм оказывается единственным следствием этой волюнтаристской идеи, которая призвана не спасать, а поработать мир.

Из этих начал немецкой философии и складывается «дух германизма», который становится идейной основой германского милитаризма, угнетающей, как полагал Федоров, весь мир. При общей гиперкритичной, и нужно сказать, не всегда справедливой установке русского философа по отношению к немецкой все же необходимо отметить их общий провидческий характер, который раскрылся в том, что германский милитаризм действительно стал причиной мировых войн в будущем.

Рационалистический оптимизм Н. Ф. Федорова. Таким образом, Бердяев, отметив все пророчески-положительные аспекты у Федорова, также подвергает критике некоторые существенные его воззрения, что делает его анализ объективным. Так, в другой работе «Религия воскрешения» он называет взгляды философа на войну «рационалистическим оптимизмом», говоря, что «Федоров хочет рационализировать войско и войну, превратить без остатка в чистейшее добро. Он верит, что люди потому лишь не направляют всех своих сил на общее дело, что они не знают, в чем общее дело, не имеют истинного сознания» [1, с. 46]. И в этом взгляды Федорова согласуются со взглядами одного из наиболее сильных его идейных оппонентов Л. Толстого, который также не считается с темным началом в человеке, полагая, что достаточно одного лишь осознания божественного закона, чтобы наступило всеобщее благо.

В истории философии подобные воззрения восходят к Сократу, который полагал, что

добродетель — это знание добра и зла, что дурные поступки основываются на незнании и что достаточно научить человека добру, и он никогда сознательно не будет выбирать зло. Этот этический рационализм Бердяев усматривает у Федорова, называя его утопистом. Бердяев пишет: «Как утопист, Федоров верит в безграничную силу разума в мире и недооценивает значение иррациональных, темных стихий, преуменьшает силу зла в человеческой жизни» [1, с. 65].

Здесь, безусловно, Федоров вступает во внутреннюю полемику с Достоевским и со всей русской религиозно-философской традицией, полагавшей зло, хоть и преодолимой, но серьезной и опасной силой, игнорирование которой может привести не к его искоренению, а к еще большему его проявлению. В качестве истока можно вспомнить памятник древнерусской книжности «Повесть о горе-злочастии», где показана как раз та «сила зла», приносящая горе человеку, о которой говорит Бердяев: «Не на час я к тебе, Горе злочастное, привязалось! Хошь до смерти с тобою помучуся!» [11, с. 607]. Это свидетельство того, что иррациональные силы достаточно сильны и в душе, и в истории, и что простым просвещением, в том числе и религиозным, ситуацию не исправить.

Исходя из идей рационалистического оптимизма, Федоров предлагает свои меры по преодолению войны, которые соответствуют основополагающим установкам его «философии общего дела». Это особо подчеркивает Бердяев: «Армия и война не должны быть заменены промышленностью, как того хотел бы ненавистный Федорову буржуазный дух; они должны обратиться на единственного врага, источник смерти и всякого зла, на слепые, бессознательные силы природы, сохранив свой воинский дух» [2, с. 46]. Во многом установка на преодоление смерти соответствует и самому Бердяеву, но при этом он не считает, что именно армия должна принимать участие в этом процессе.

Бердяев говорит: «По Федорову, народ должен быть вооружен, войско должно быть народом. Но конечная цель вооруженных народов — регуляция сил природы, а не взаимное истребление» [1, с. 68]. Вот это и есть «рационалистический оптимизм» в чистом виде, поскольку, считает Бердяев, война зарожда-

ется от злой вражды людей, от иррациональности жизни, несоизмеримой с человеческим разумом и не преодолимой человеческими техническими средствами.

Нужно сказать, что Федоров был далеко не одинок в своих идеях миролюбивого, направленного на спасение использования орудий, вооруженных сил. Например, философ В. Н. Муравьев в статье с характерным федоровским названием и посылом «Об использовании воинской силы для борьбы с природой» писал, что «армия должна превратиться в грандиозную организацию всех людей для овладения природой, прежде всего для регуляции атмосферных явлений» [13, с. 422]. Сильные федоровские интонация встречаются у Н. А. Сетницкого, когда он говорит, что использование ресурсов науки в борьбе против войны есть задача «христолюбивого воинства». Единственная война — это война против самой смерти, и это дело, полагает философ, «христианской науки, науки творчества и синтеза, науки жизни, обеспечения и восстановления ее» [17, с. 305].

Однако, Бердяев не вполне согласен с этими мыслями относительно использования науки и техники в борьбе со смертью. Он считает, что Федоров, верно указывая на германизм и германский милитаризм как причину войны, неверно абсолютизирует именно германизм как единственный корень зла. Он говорит: «Но Федоров как будто бы не хотел видеть, что то, что так сильно и крепко выражено в Германии, то и вообще есть в человечестве. Семя мировой войны было заложено в душе современного человечества. И лишь через страдальческий опыт мирового раздора идет человечество к большему единению и единству» [1, с. 70].

Вот это самое главное, выявленное Бердяевым: «страдальческий опыт мирового раздора». Только пройдя через «горнило» страданий, вызванных войной, очистившись в ее ужасах и муках, можно выйти к более нравственно совершенной жизни. Трезвая и глубокая мысль русского философа указывает на трагическую неизбежность войны как способ достижения мира в данном положении вещей, поэтому прямолинейный пацифизм не только утопичен, он еще и опасен, так как именно пацифизм, не понимая метафизического трагизма бытия, иррациональ-

ных корней зла, в действительности способствует войне, а не миру.

Заключение. Таким образом, можно подвести итог, отметив, что осмысление Н. А. Бердяевым идей Н. Ф. Федорова — это пример преемственности в русской философской традиции, свидетельствующий о ее глубоко органичном характере и ценностно-смысловом единстве.

Анализ Н. А. Бердяева — это критическое осмысление идей Н. Ф. Федорова о войне в контексте «философии общего дела», что дает возможность действительно увидеть в них нечто ценное, что может быть применимо и в современной ситуации. Федоров воспринимает войну не как «частное» зло, отдельное от мирового целого, но как проявление небратского состояния человечества, поэтому его подход к мерам по преодолению войны носит нравственный характер, связанный с преображением сознания человека.

Бердяев, понимая и признавая величие мысли Федорова, прежде всего, его пророчества относительно мировой войны, ее истинно патриотический характер, в то же время указывает на ее объективную ограниченность и утопичность, что не позволяет ее абсолютизировать, как это часто бывает, особенно в русском космизме. Но этот «утопизм» гораздо ценнее и значимее тех пацифистских проектов, которые исходят из абстрактных принципов добра, не учитывающих ни реальную ситуацию, ни нравственное состояние человека. И в этом смысле идеи Федорова, носящие этико-антропологический характер, способствуют выработке действенных и реальных мер по достижению мира.

Список источников

1. Бердяев Н. А. Пророчества Н. Ф. Федорова о войне // Мутные лики (Типы религиозной мысли в России). М.: Канон+, 2004. С. 64–71.
2. Бердяев Н. А. Религия воскрешения // Мутные лики (Типы религиозной мысли в России). М.: Канон+, 2004. С. 5–64.
3. Бойко В. А., Лихоманов И. В. Философия войны Н. А. Бердяева // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. №68. С. 56–69.
4. Великое русское исправление имен: сборник / Под. ред. А. Ю. Коробова-Латынцева, Н. В. Арутюнова. СПб.: Солнце Севера, 2023. 240 с.
5. Всем всего светлого и ясного. Сборник памяти Владлена Татарского (Максима Фомина). Краснодар: Митра, 212 с.
6. Гаман Л. А. Н. А. Бердяев о войне // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. №3(29). С. 41–47.
7. Гачева А. Г. Почему мир не мир? Образ войны в философии русского космизма // Соловьевские исследования. 2016. Вып. 1(49). С. 44–62.
8. Давлетшина А. М. Война и вера: проблема морального обновления в философии Н. А. Бердяева и А. А. Керсновского // Общество: философия, история, культура. 2020. №12(80). С. 57–61.
9. Иванова С. И. Проблема войны в творчестве Н. А. Бердяева // Воздушно-космические силы. Теория и практика. 2017. №4. С. 202–208.
10. Кожевников В. А. Опыт изложения учения Н. Ф. Федорова по изданным и неизданным произведениям, переписке и личным беседам. М.: Мысль, 2004. 576 с.
11. Коробов-Латынцев А. Ю. Философ и война. О русской военной философии. М.: Русская философия, 2022. 250 с.
12. Мартишина Н. И. Осмысление начала Первой мировой войны в философской публицистике Н. А. Бердяева // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2021. №2(10). С. 111–115.
13. Муравьев В. Н. Об использовании воинской силы для борьбы с природой // Н. Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. Кн. 2. СПб.: РХГА, 2008. С. 421–423.
14. Повесть о Горе-Злосчасти / Под ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева // Изборник. Сборник произведений литературы древней Руси. М.: Художественная литература, 1969. С. 597–609.
15. Русская философия войны. Карманная хрестоматия для бойца. М., 2023. 88 с.
16. Русские философы о войне: Ф. М. Достоевский, Вл. Соловьев, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Е. Н. Трубецкой, С. Л. Франк, В. Ф. Эрн. М.: Жуковский: Кучково поле, 2005. 496 с.

17. Сетницкий Н. А. Христоролюбие и война // Н. Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. Кн. 2. СПб.: РХГА, 2008. С. 293–305.

18. Скворцов А. А. Русская религиозная этика войны XX века. М.: МАКС-Пресс, 2002. 230 с.

19. Скворцов А. А. Русская философия войны Серебряного века: основные особенности // Философские науки. 2020. Т. 63. №11. С. 91–103.

20. Тимофеев А. И. Николай Бердяев: человечность и война // Соловьевские исследования. 2016. Вып. 1(49). С. 85–93.

21. Федоров Н. Ф. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Прогресс, 1995–1999. 517 с., 497 с., 742 с., 687 с.

References

1. Berdjaev N. A. Prorochestva N. F. Fedorova o vojne [The prophecies of N. F. Fedorov about the war]. Mutnye liki (Tipy religioznoj mysli v Rossii) [Muddy faces (Types of religious thought in Russia)]. Moscow: Kanon+, 2004. Pp. 64–71. (In Russ.).

2. Berdjaev N. A. Religija voskreshenija [Religion of resurrection]. Mutnye liki (Tipy religioznoj mysli v Rossii) [Muddy faces (Types of religious thought in Russia)]. Moscow Kanon+, 2004. Pp. 5–64. (In Russ.).

3. Bojko V. A., Lihomanov I. V. Filosofija vojny N. A. Berdjaeva [N. A. Berdyaev Philosophy of war]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science]. 2022; (68): 56–69. (In Russ.).

4. Velikoe russkoe ispravlenie imen: sbornik [The Great Russian correction of names: collection]. Pod. red. A. Ju. Korobova-Latynceva, N. V. Arutjunova [In A. Y. Korobov-Latyntsev, N. V. Arutyunova (eds.)]. Saint Petersburg: Solnce Severa, 2023. 240 p. (In Russ.).

5. Vsem vsego svetlogo i jasnego. Sbornik pamjati Vladlena Tatarskogo (Maksima Fomina) [Everything is bright and clear to everyone. Collection of the memory of Vladlen Tatarsky (Maxim Fomin)]. Krasnodar: Mitra, 212 p. (In Russ.).

6. Gaman L. A. N. A. Berdjaev o vojne [N. A. Berdyaev about the war]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija [Bulletin of Tomsk State University. History]. 2014; 3(29): 41–47. (In Russ.).

7. Gacheva A. G. Pochemu mir ne mir? Obraz vojny v filosofii russkogo kosmizma [Why is the world not the world? The image of war in the philosophy of Russian Cosmism]. Solov'evskie issledovanija [Solovyov studies]. 2016; 1(49): 44–62. (In Russ.).

8. Davletshina A. M. Vojna i vera: problema moral'nogo obnovlenija v filosofii N. A. Berdjaeva i A. A. Kersnovskogo [War and faith: the problem of moral renewal in the philosophy of N. A. Berdyaev and A. A. Kersnovsky]. Obshchestvo: filosofija, istorija, kul'tura [Society: philosophy, history, culture]. 2020; 12(80): 57–61. (In Russ.).

9. Ivanova S. I. Problema vojny v tvorchestve N. A. Berdjaeva [The problem of war in the work of N. A. Berdyaev]. Vozdushno-kosmicheskie sily. Teorija i praktika [Aerospace forces. Theory and practice]. 2017; (4): 202–208. (In Russ.).

10. Kozhevnikov V. A. Opyt izlozhenija uchenija N. F. Fedorova po izdannym i neizdannym proizvedenijam, perepiske i lichnym besedam [The experience of presenting N. F. Fedorov's teachings on published and unpublished works, correspondence and personal conversations]. Moscow: Mysl', 2004. 576 p. (In Russ.).

11. Korobov-Latynceva A. Ju. Filosof i vojna. O russkoj voennoj filosofii [The philosopher and the war. Russian Russian military Philosophy]. Moscow: Russkaja filosofija, 2022. 250 p. (In Russ.).

12. Martishina N. I. Osmyslenie nachala Pervoj mirovoj vojny v filosofskoj publicistike N. A. Berdjaeva [Understanding the beginning of the First World War in the philosophical journalism of N. A. Berdyaev]. Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putej soobshhenija: Gumanitarnye issledovanija [Bulletin of the Siberian State University of Railway Engineering: Humanitarian Studies]. 2021; 2(10): 111–115. (In Russ.).

13. Murav'ev V. N. Ob ispol'zovanii voinskoj sily dlja bor'by s prirodoj // N. F. Fedorov: pro et contra: v 2 kn. [On the use of military force to combat nature // N. F. Fedorov: pro et contra: in 2 books]. Book 2. Saint Petersburg: RHGA, 2008. Pp. 421–423. (In Russ.).

14. Povest' o Gore-Zloschastii [The tale of Misfortune]. Pod red. L. A. Dmitrieva, D. S. Likhacheva [In L. A. Dmitriev, D. S. Likhachev (eds.)]. Izbornik. Sbornik proizvedenij literatury drevnej Rusi [The electoral college. Collection of

works of literature of ancient Russia]. Moscow: Hudozhestvennaja literatura, 1969. Pp. 597–609. (In Russ.).

15. Russkaja filosofija vojny. Karmannaja hrestomatija dlja bojca [The Russian philosophy of war. Pocket textbook for a fighter]. Moscow, 2023. 88 p. (In Russ.).

16. Russkie filosofy o vojne: F.M. Dostoevskij, Vl. Solov'ev, N.A. Berdjaev, S.N. Bulgakov, E.N. Trubeckoj, S.L. Frank, V.F. Jern [Russian philosophers on war: F.M. Dostoevsky, V. Solovyov, N.A. Berdyaev, S.N. Bulgakov, E.N. Trubetskoy, S.L. Frank, V.F. Ern]. Moscow: Zhukovskij: Kuchkovo pole, 2005. 496 p. (In Russ.).

17. Setnickij N.A. Hristoljubie i vojna [Love of Christ and war]. N.F. Fedorov: pro et contra: in 2 books. Book 2. Saint Petersburg: RHGA, 2008. Pp. 293–305. (In Russ.).

18. Skvorcov A.A. Russkaja religioznaja jetika vojny XX veka [Russian religious ethics of war of the twentieth century]. Moscow: MAKSPress, 2002. 230 p. (In Russ.).

19. Skvorcov A.A. Russkaja filosofija vojny Serebrjanogo veka: osnovnye osobennosti [Russian philosophy of war of the Silver Age: main features]. *Filosofskie nauki* [Philosophical science]. 2020; 63(11): 91–103. (In Russ.).

20. Timofeev A.I. Nikolaj Berdjaev: chelovechnost' i vojna [Nikolay Berdyaev: humanity and war]. *Solov'evskie issledovanija* [Solovyov studies]. 2016; 1(49): 85–93. (In Russ.).

21. Fedorov N.F. Sobranie sochinenij: v 4-h t. [Collected works: in 4 volumes]. Moscow: Progress, 1995–1999. 517 p., 497 p., 742 p., 687 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 25.12.2023; одобрена после рецензирования 20.01.2024; принята к публикации 14.02.2024.

The article was submitted on 25.12.2023; approved after reviewing on 20.01.2024; accepted for publication on 14.02.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Малахаткин Евгений Олегович — соискатель, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Evgeny O. Malakharkin — applicant, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia